

Японские исследования. 2019. №3. С. 112–127.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 112–127.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023

Взгляды Мисима Юкио на послевоенное устройство Японии в ранней эссеистике на примере эссе «Рассуждение о новом фашизме»

А.В. Маслова

Аннотация. В статье рассматриваются политические воззрения Мисима Юкио (1925–1970), широко известного японского писателя послевоенного периода, высказанные им в ранний период творчества. Несмотря на разнообразие работ, посвящённых художественному творчеству Мисима, в настоящий момент исследований, касающихся особенностей политических взглядов писателя, относительно мало в зарубежной и отечественной историографии. В основном исследователи анализируют произведения 1960-х годов, когда писатель обращается к ультраправой версии патриотизма и пишет на эту тему ряд эссе. В данный период Мисима начинает активнее проявлять себя в политической жизни Японии: встречается с представителями студенческих движений, которые устраивают масштабные демонстрации в Токио, создаёт и тренирует собственную военно-политическую организацию «Общество щита» в 1968 г.

Для комплексного изучения ранних политических взглядов писателя в качестве основного источника было выбрано эссе «Рассуждение о новом фашизме» (1954), написанное через два года после окончания оккупации Японии. Данная работа Мисима положила начало политическим размышлениям писателя, в частности над феноменом японского фашизма. Творческая интеллигенция в этот период активно участвовала в обсуждении политической повестки. Особенно ярко выступали представители левых идей, которые быстро приобрели популярность в среде интеллигенции и общественности. Им удалось возобновить политическую дискуссию, которая стала постепенно угасать из-за введения новых цензурных запретов в период американской оккупации, в том числе на тему фашизма. Данная работа Мисима представляет собой довольно смелое высказывание в адрес не только набравших популярность коммунистов, но и в адрес американского штаба, провозгласившего новые порядки на всей территории Японии. «Рассуждение о новом фашизме» носит теоретический характер и не содержит политических побудительных призывов, которые позже будут характерны для деятельности и творчества Мисима. В эссе он пытается теоретически опровергнуть мнение коммунистов относительно возможности возрождения идей японского фашизма. Перевод эссе «Рассуждение о новом фашизме» на русский язык выполнен автором данной статьи.

Ключевые слова: история Японии XX века, послевоенный период, американская оккупация, Мисима Юкио, цензура, японская интеллигенция, японские писатели, японский фашизм.

Автор: Маслова Анастасия Васильевна, студентка 1 курса магистратуры Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, сотрудник отдела поддержки исследований Научной библиотеки РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: maslova-av@ranepa.ru

Mishima Yukio's perception of the post-war state structure of Japan on the example of the essay “The Reasoning on the New Fascism”

A.V. Maslova

Abstract. The article is devoted to Mishima Yukio's perception of the transformations of the Japanese state in the early postwar period. There are relatively few studies concerning the peculiarities of the writer's political views in historiography. Basically, the researchers turn to the analysis of the works created by him in the 1960s, when the writer turns to the far-right version of patriotism. In this period, Mishima begins to manifest himself in the political life of Japan. He meets with representatives of student movements who organize large-scale demonstrations in Tokyo, establishes and trains his own military-political organization “Shield Society” in 1968.

For a comprehensive study of Mishima's early political views, the author chooses the essay “The Reasoning on the New Fascism” (1954). Mishima wrote the essay two years after the end of the occupation of Japan. The essay marked the beginning of political reflections of the writer. In the essay, the writer reflected on the phenomenon of Japanese fascism. Creative intelligentsia of this period actively participated in political discussions. Exponents of leftist ideas quickly gained popularity among the intelligentsia and the public. They resumed the political debate that had faded due to new censorship restrictions introduced under the American occupation, including that on the theme of fascism. In his essay, Mishima Yukio tries to refute the opinion of the Japanese Communists about the possibility of revival of fascist ideas in Japan. The essay “The Reasoning on the New Fascism” is a theoretical work and does not contain the political motives characteristic of the later activities of Mishima. Translation of the essay “The Reasoning on the New Fascism” into Russian language has been made by the author of this article.

Keywords: post-war period in Japan, American occupation, Mishima Yukio, censorship, Japanese intelligentsia, Japanese writers, Japanese fascism.

Author: Maslova Anastasia V., student of the Institute for Social Science and librarian of the Research Support Department of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: maslova-av@ranepa.ru

Мисима Юкио – широко известный японский писатель, который прославился благодаря таланту описывать человеческие судьбы и взаимоотношения особенным образом, проявляя в героях своих произведений тайные, порой пугающие черты и мотивы. Творчество Мисима не раз становилось предметом литературоведческих исследований, посвящённых особенностям авторского стиля и эстетики произведений писателя. Исследователи обычно различают два основных периода его творчества: ранний и поздний [Flanagan, 2014]. На раннем этапе Мисима развивает свою основную концепцию Прекрасного. Понятие Прекрасного является важнейшем символом всего творчества Мисима, но на раннем этапе оно имеет некоторое абстрактное выражение. Герой ранних произведений Мисима, столкнувшись с Прекрасным, под его довлеющим влиянием разрушает себя и свой привычный мир. В конечном итоге герой, встретив Прекрасное, вынужден отказаться от всего человеческого и пожертвовать собой во имя красоты [Чанцев, 2009, с. 39]. В поздний период творчества Мисима облекает абстрактное Прекрасное в более конкретные формы,

писатель видит Прекрасное в патриотизме, который возможен только при безоговорочной вере и любви к императору [Flanagan, 2014, p. 139].

Несмотря на то, что творчество Мисима Юкио в целом ценится благодаря своей уникальной художественной эстетике, для того чтобы иметь возможность изучить политические воззрения писателя через призму литературного творчества, в данной статье анализу стилистических особенностей отводится вспомогательная роль. Помимо художественных произведений, Мисима писал эссе, в которых высказывался на политические темы. Эссе были написаны с целью донести до читателя его мнение по актуальным вопросам своего времени, они соответствовали обстановке, сложившейся в политической и культурной сферах японского общества в послевоенный период. Исследования, в которых рассматривается эссеистика Мисима и его политические взгляды, посвящены позднему периоду писательской карьеры, когда Мисима развивает своё понимание патриотизма и японского государственного устройства, основанного на традиционных учениях [Фесюн, вступ. ст., Голоса духов героев, 2002, с. 5–9]. Попытки рассмотреть комплексные истоки политических воззрений писателя в ранней эссеистике на данный момент не осуществлялись в российском научном сообществе. Политические воззрения писателя позднего периода в целом интерпретируются по материалам следующих эссе.

Рассказ-эссе «Голоса духов героев» (1966) – первое произведение, в котором прослеживаются особые патриотические искания Мисима. В рассказе описан спиритический сеанс, на котором духи молодых офицеров февральского восстания 1936 г., известного как *Нинироку дзикэн*, и пилотов-камикадзе Второй мировой войны упрекают императора, который отрёкся от своей божественной сути [Мисима Юкио. Голоса духов героев, 2002, с. 76]. «Голоса духов героев» – первое художественное произведение с явным политическим подтекстом, которое вызвало реакцию со стороны политических кругов. Японская коммунистическая газета «Красное знамя» осудила рассказ за правую риторику. Но с ещё бóльшим недовольством выступили правые радикалы, которых не устраивала критика императора, описанная в рассказе.

В сентябре 1967 г. Мисима Юкио дал комментарий к трактату «Хагакурэ» в работе «Хагакурэ нюмон». Трактат Ямамото Дзётё (1659–1719), по мнению Мисима, не потерял своей актуальности в послевоенный период, напротив, в нём изложены идеи, которые способны спасти постепенно угасающую японскую национальную идею [Книга самурая, с. 193]. Главная формула трактата «Хагакурэ» заключается в словах: «Путь самурая – это смерть». В комментарии Мисима проводит параллели между временами Дзётё и современными политическими событиями. Он писал, что в послевоенный период, лишившись возможности иметь собственную армию, возможности героически умереть за свою родину, японцы утратили идентичность: «Среднестатистическая продолжительность жизни стала самой большой в истории, и поэтому неудивительно, что многие столкнулись с её монотонностью и скукой. Мы забываем, что присутствие смерти на уровне подсознания является важным условием душевного здоровья» [Книга самурая, с. 184]. Последствия нереализованного стремления молодых японцев к смерти Мисима видит в студенческих демонстрациях, связанных с продлением Договора о безопасности. Демонстрации в свою очередь разрушают и так нестабильное единство людей в послевоенный период.

Для Мисима важным фактором политической стабильности и национального благополучия является армия, в которой в человеке воспитывается чувство долга перед родиной. В эссе «Солнце и сталь» (1968) Мисима описывает истоки своих патриотических убеждений, которыми стали посмертные записки пилотов-камикадзе. Для Мисима эти люди – подлинные герои, физически подготовленные, чтобы принять смерть как реальность [Mishima Yukio, Sun and Steel, 2003, p. 75]. Подытожив свои размышления, Мисима приходит к выводу о том, что настоящим патриотом можно стать, лишь отказавшись от своей индивидуальности, примкнув к какой-либо военной группе. В том же году Мисима создал собственную военизированную организацию «Общество щита», формальной целью которой было охранять императорскую семью и помогать Силам самообороны Японии в борьбе с политической угрозой левых движений. Для Мисима основной целью создания данной организации являлась защита императора, но не только как личности, но и как культурной категории.

В 1968 г. вышло очередное политическое эссе «В защиту культуры», наброски которого Мисима сделал во время первого пребывания в военном лагере вместе с членами «Общества щита». В нём утверждалось, что японцы являются таковыми, благодаря японской культуре, а император является единственным гарантом и источником этой культуры. В связи с этим защита императора является защитой самой японской культуры и даже самозащитой от западного влияния и разрушения национальных интересов [Мисима Юкио, В защиту культуры, 2002, с. 145]. Писатель полагал, что изначально традиционно японские национальные идеалы были разрушены политикой оккупационного штаба. Истинная японская традиционная культура была заменена на «культурничество», принципы которого в постоккупационный период подхватили социалисты и перенесли в свою политическую программу Социалистической партии [Мисима Юкио, В защиту культуры, 2002, с. 133]. Главные признаки культурничества Мисима видит в том, что свобода общественного мнения и демократизация, которая наступила в послевоенный период, «...привносит в культуру процесс гниения, лишает культуру иерархичности, нивелируя её творческий и традиционный характер, не давая взамен ничего лучшего» [Мисима Юкио, В защиту культуры, 2002, с. 166]. Мисима считал, что новая конституция Японии превратила императора из культурной категории в обычного политического монарха по западному образцу. Для того, чтобы вернуть японской культуре прежнее национальное чувство, необходимо вернуть императору право верховного командования, которым он владел по прежней конституции Мэйдзи, и возродить военную службу в армии [Мисима Юкио, В защиту культуры, 2002, с. 168–186].

Обозначенные эссе, которые используются в рамках исследований политических взглядов Мисима, обычно приводятся в качестве иллюстрации для описания событий 25 ноября 1970 г., когда вместе с членами «Общества щита» Мисима захватил военную базу в районе Итигая, чтобы обратиться с политическим призывом к солдатам Сил самообороны Японии. Как известно, акция закончилась ритуальным самоубийством писателя, что получило большой резонанс не только в СМИ, но и в политических кругах, особенно среди тех, кто поощрял и поддерживал инициативу создания его личной армии. Большинство исследователей считают, что эссеистика писателя играет второстепенную роль в репрезентации его взглядов, поскольку Мисима задумывал последнее выступление в большей степени по личным мотивам, чем по политическим [Stokes, 2000, p. 89].

Эта точка зрения представляется дискуссионной, поскольку Мисима был не просто знаком с политической повесткой послевоенных лет, но также являлся важным участником политических процессов. Для того чтобы проследить развитие политических взглядов Мисима, необходимо обратиться к раннему периоду, когда писатель закладывал ключевые понятия для интерпретации политической повестки послевоенной Японии. В связи с этим эссе «Рассуждение о новом фашизме» можно рассматривать в качестве первой явной попытки Мисима сформулировать мнение относительно политической ситуации в стране. Эссе было написано через два года после окончания оккупации, в 1954 г. За семь лет работы оккупационного штаба, с 1945 по 1952 г., в Японии были проведены масштабные демократические преобразования: освобождены политические заключенные, разрешена деятельность оппозиционных партий и профсоюзов, вступила в силу новая Конституция. Помимо реформ, американский штаб выдвинул японской стороне ряд требований, первыми из которых стали отказ императора от своей божественной сущности и отказ Японии от возможности когда-либо иметь собственную армию.

Были и другие меры в отношении японских граждан, которые отразились на судьбе пишущей интеллигенции послевоенного периода. В их числе был запрет на выезд за границу и цензурные требования, которые существенно отличались от запретов военного и довоенного периода. В эпоху Мэйдзи цензура регламентировалась законами, поэтому нарушение цензурных требований, например, публикация текстов, оскорбляющих личность императора, влекло юридическую ответственность. В оккупационный период существование цензуры не признавалось американскими властями официально. Цензура осуществлялась с помощью тщательно выстроенного аппарата с сентября 1945 по сентябрь 1949 г. и распространялась на СМИ и литературу – газеты, журналы, книги и учебники, радиопередачи, кинофильмы и пьесы, включая классический репертуар. Несмотря на официальную отмену в 1949 г., цензура продолжала существовать до 1952 г. [Dower, 1999, p. 408]. От цензуры в оккупационный период пострадали выдающиеся литераторы, например, Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965). Его произведение «Письма госпожи А.» подверглось цензуре со стороны оккупационного штаба за поощрение милитаризма. Сюжет произведения раскрывается через письма, которые женщина отправляет своему возлюбленному офицеру-пилоту на фронт. Автор использует особенный стиль, который включает в себя также и традиционный японский жанр – *моногатари*. Романтизация истории об офицере-пилоте и миссии, которую он выполнял в военное время, показалась цензорам недопустимой для печати [Abel, 2012, p. 121–124].

Среди других выдающихся литераторов, пострадавших от цензуры, и будущий лауреат Нобелевской премии Кавабата Ясунари (1899–1972), наставник Мисима Юкио, произведения которого были выдержаны в особой традиционной стилистике и посвящены событиям японской истории [Мещеряков, 2009, с. 374–375]. Мисима также вспоминал о цензуре в эссе «Фусэдзи» (1950). В нём он описывал момент гордости, когда редактор школьной газеты не пропустил его стихотворение из-за «недопустимых выражений» [Abel, 2012, p. 196]. Помимо этого, среди тем, которые подвергались цензуре, были следующие: критика победителей, критика США и оккупационной власти, критика военного трибунала, пропаганда милитаризма, фашизма и идеи божественного возникновения японской нации, упоминание о цензуре, подстрекательства к насилию, упоминание о голоде и «чёрном рынке» [Gordon, 1993, p. 398].

Интеллигенция слабо противостояла американским цензурным запретам. Одним из методов, который предотвращал публикацию подобных текстов, было прекращение поставки бумаги для печати, тогда наказание распространялось не только на самого автора, но и на издательство [Dower, 1999, p. 407–408]. Вместо открытой реакции на цензуру в Японии стал популярен формат извинений. Из уст представителей власти и интеллигенции звучали следующие фразы: «коллективная ответственность», «глубокое раскаяние» и «истинное сожаление» [Yoshida, 1961, с. 143]. Представители интеллигенции раскаивались, поскольку чувствовали свою ответственность за то, что они не смогли противостоять войне. Более того, многие из них ощущали вину за сотрудничество с фашистскими организациями. Самыми сокрушающимися среди интеллектуалов были те, кто предал коммунистическое движение в 1930-е годы, зачастую из-за полицейского давления. Это стало одной из причин небывалого авторитета марксизма в послевоенный период. Социалистические лозунги набирали популярность среди интеллектуалов и студентов. Многие представители творческой элиты присоединились к социалистическому движению и вступили в коммунистическую партию. Среди них были писатели Абэ Кобо (1924–1993), Нома Хироси (1915–1991), Акита Удзюку (1883–1962), Иноуэ Мицухару (1926–1992). Многими из них марксизм воспринимался в качестве гуманистического учения, способного устранить угрозу возрождения фашизма и милитаризма в послевоенный период.

Мисима Юкио, в противовес всеобщему раскаянию, опубликовал эссе, в котором попытался объяснить причины возникновения фашизма в Японии и описать его особенности. В рассуждениях Мисима впервые подчеркивает своё отношение к дискуссии об истоках фашизма в Японии, которую возродили коммунисты в послевоенный период. В первые годы после оккупации между японскими марксистами-историками возник спор о характере реставрации Мэйдзи и последующем развитии японского капитализма. Среди них были те, кто считал, что реставрация Мэйдзи является буржуазной революцией, которая утвердила основы классового неравенства. Они полагали, что возникновение в Японии фашистских организаций являлось следствием этого неравенства и способом защиты японского капитализма от угрозы социально-экономической революции. Переход к фашизму был вызван кризисом монополистической стадии капитализма. Подобную модель перехода к фашистскому режиму британский коммунист Палм Датт (1896–1974) в работе «Фашизм и социальная революция» обосновал для Италии и Германии [Wilson, 1968, p. 402].

Мисима спорит с марксистами, используя их основной теоретический аргумент – работу Датта, для обоснования тезиса о том, что фашизм – западноевропейское явление, не имеющее ничего общего с ситуацией в Японии в начале XX века. Датт писал, что фашизм может существовать только в противопоставлении социализму и капитализму, он не является самостоятельной идеологией [Датт, 1935, с. 18–20]. Текст Датта хоть и является классическим, но, по мнению писателя, он лишь закрепляет устаревшие формы рассуждения материалистической диалектики. Мисима считал, что пренебрежительное отношение к фашизму со стороны коммунистов не имеет под собой оснований. В подтверждение этого Мисима приводит слова Джованни Джентиле о том, что фашизм является выражением «воли немногих – поэтов, мыслителей, политических теоретиков», которая «управляет историей» (см. «Рассуждение о новом фашизме»). Мисима считал, что коммунизм и фашизм – по сути одинаковые явления, которые относятся к форме «идеологической политики». Под этим термином Мисима понимает следующее: «...главная особенность идеологической политики

заключается в том, что идеи и воззрения отдельной личности получают реализацию в действительности, а власть становится не технической, а систематичной» (см. «Рассуждение о новом фашизме»).

Мисима считал, что фашизм как феномен западноевропейской цивилизации возник и распространился из философии Ницше и растущего нигилизма в обществе. Нигилизм опасен своей деструктивной силой, но отрицающего всё и замкнутого в себе нигилиста может спасти идеология или чувство прекрасного. Европа выбрала путь идеологии, тогда как японцы, напротив, выбрали идеалы прекрасного. Объясняющая сила идеологии строится на основании идей определённого человека, будь то Маркс или Гитлер, неважно. Эта сила не вечна, по мнению писателя, и имеет ряд неразрешимых противоречий. В отличие от силы любви к прекрасному, которая исходит из японского единства и выражается в национальных традициях, учениях, в трактатах воинов-самураев, фашизм является искусственным продуктом своей эпохи, в основании которого лежат теоретические рассуждения людей. Тогда как в Японии государственная философия базируется на традиционных учениях о естественном происхождении императорской власти (см. «Рассуждение о новом фашизме»).

Японские социалисты, которые поддерживали позицию Палма Датта, считали, что роль интеллигенции в процессе установления фашистского режима в Японии была одной из основных. Интеллигенция, которая позволила задавить социалистическую мысль в Японии, была слишком озабочена сохранением позиций финансового капитала, в связи с чем не смогла повлиять на ход событий и пропустила фашистскую угрозу. Мисима, напротив, считал, что интеллигенция не поддерживала фашизм в Японии: «...так называемые японские фашисты не имели союзников среди интеллигенции. Японская франтоватая интеллигенция не пошла за ними, распевая китайские стихи в хаори и хакама с фамильным гербом, нацепив на голову повязку с солнечным кругом» (см. «Рассуждение о новом фашизме»). Интеллигенция, по мнению Мисима, подчинялась национальным традициям, а не лозунгам фашистской пропаганды, становясь в одни ряды с солдатами, она отстаивала императорский режим и национальные интересы каждого японца. Идеи Мисима в дальнейшем станут более радикальными, и роль интеллигенции в вопросе сохранения японских традиций и императорского режима будет передана армии.

Отметим, что уже в раннем эссе Мисима обосновывает теоретическую рамку своих политических взглядов. В эссе «Рассуждение о новом фашизме» в меньшей степени прослеживаются «личные обоснования» политических суждений писателя. Мисима цитирует и свободно интерпретирует классические западные работы, посвящённые теме фашизма. Он пытался оспорить идеи коммунистов, которые стали набирать популярность в послевоенный период, и опровергнуть их позицию по поводу возрождения «фашистской угрозы» в послевоенной Японии, попытался теоретически обосновать единство коммунизма и фашизма, доказав, что они имеют одинаковое происхождение. Тема фашизма, над которой Мисима размышляет в эссе, была близка дискуссии первых лет окончания оккупации. Идею о том, что Япония, наравне с Германией и Италией, являлась фашистским государством, в послевоенный период наиболее активно развивали марксисты. В оккупационный период цензура, которая была введена американским штабом, ограничивала свободу высказываний японских интеллектуалов на тему фашизма. В связи с этим эссе «Рассуждение о новом фашизме» Мисима, которое было опубликовано после окончания оккупации, представляет собой смелое высказывание и в адрес набирающих популярность коммунистов, и в адрес

американского штаба, провозгласившего новые порядки на всей территории Японии. Ироничная тональность эссе и характерно правая позиция Мисима существенно отличается от интеллектуального мейнстрима того времени. «Рассуждение о новом фашизме» положило начало политическим размышлениям писателя. Работа носит теоретический характер и не содержит политических побудительных призывов, которые впоследствии будут характерны для деятельности и творчества Мисима. Политические взгляды, которые отражены в поздней эссеистике 1960-х годов, когда писатель обращается к ультраправой версии патриотизма, сопряжены с действиями. Мисима участвует в реальной политической жизни Японии, создаёт и тренирует собственную армию, встречается с представителями студенческих движений, которые устраивают масштабные демонстрации в Токио, и в меньшей степени обращается к теории для обоснования своей деятельности.

Мисима Юкио

Рассуждение о новом фашизме

Успех безумия – в литературе, философии и политике, – это одна из особенностей нашего времени, и наиболее успешная форма безумия проистекает практически целиком из стремления к власти.

Бертран Рассел. Власть: новый социальный анализ

Моё сочинение на заданную тему

Я начал проявлять интерес к фашизму после того, как всякие леваки стали вопить о том, что я – фашист. Но поскольку для них слово «фашист» является в высшей степени оскорбительным ругательством, то, если провести аналогию с бытовой речью, его смысл будет очень близок к смыслу слов «дурак» или «тупица». Пусть так, но сам факт того, что меня впервые прозвали каким-либо «истом», слегка потешил моё тщеславие. Один мой приятель – ещё бóльший сквернослов, чем коммунисты – как-то сказал: «Раньше ты был всего лишь педерастом, но теперь, когда тебя стали называть фашистом, ты впервые поднялся до уровня “иста” и сделался куда более важным». Мне пришлось озаботиться данным вопросом, но переводов источников по фашизму на японский язык очень немного, а в оригинале я их не читаю. Поэтому я решил написать это сочинение на заданную тему, основываясь на тех нескольких работах, с которыми я знаком.

Я считаю, что фашизм в чистом виде – это, по бóльшей части, западноевропейский феномен, главным образом представленный в Италии, где он зародился, и включающий в себя немецкий нацизм. По мнению английского коммуниста Палма Датта¹, западноевропейский фашизм имеет определённый свод правил относительно захвата государственной власти, который не выходит за рамки общепринятых представлений.

---

¹ Раджани Палм Датт являлся видным британским коммунистическим деятелем индийско-шведского происхождения, историком, публицистом и членом Коммунистической партии Великобритании с года её основания, был одним из ведущих её теоретиков (1898–1974).

Поскольку работа Палма Датта «Фашизм и социалистическая революция»² написана с позиций Коммунистической партии, в ней прослеживается тенденция к изображению фашистов в качестве пустоголовых членов бандитской шайки, полностью игнорируются такие вопросы, как неизбежность появления фашизма и обретение им идеологических сторонников среди интеллигенции. В целом, в этой работе закрепляются все закоренелые суждения материалистической диалектики. Первое издание этой книги было опубликовано в 1934 г. Судьба фашизма сложилась именно так, как в ней говорилось, поэтому теперь её можно назвать классической работой. Распространённым поведением среди коммунистов является обвинение в мистицизме всех врагов без исключения, и в этой книге постоянно подчёркивается подобный характер фашизма. Я, однако, не смог сдержать усмешку, когда прочёл, что Гитлер в книге «Моя борьба» обвиняет в том же мистицизме самих коммунистов³.

Итак, по мнению Палма Датта, фашизм – это последняя возможность для загнанного в угол капитализма спасти себя. В таком случае типичный захват политической власти протекает следующим образом. Вначале коммунисты получают большинство мест в парламенте, руководят всеобщими забастовками, а когда до вспышки революции остаётся один шаг, всё рушится из-за предательства социал-демократов. Выждав удобный момент, фашисты, опираясь на поддержку капиталистов, приступают к действиям, разворачивая антикоммунистический террор, одновременно с этим завоёвывают народную поддержку, рядясь в одежды социализма. Стоит им обрести власть, как от социализма остаётся одно лишь название, и при покровительстве монополистического капитала на основаниях мистической философии фашизма начинают совершаться до этого не являвшиеся частью идеологии акты насилия, которые постфактум подвергаются теоретизации. Затем, как только удаётся захватить политическую власть, и начинается монополизация политики, социалистические принципы, по факту, остаются только в названиях⁴. О том, как данную схему попытались адаптировать в Японии, я расскажу далее. Перед этим следует подробнее изучить эту неистовую форму правления, этот феномен, прочно укоренившийся в XX веке, в том числе и в Японии, до того периода, когда фашизм был во всеулышание объявлен «мировоззрением».

Фашизм в феодальной Японии

Все современные формы правления, как мне кажется, можно разделить на два типа: относящиеся к технической политике (институты власти, выработка инструментов управления) и относящиеся к идеологической политике (формирование общего для объектов

---

² Книга Палма Датта, опубликованная в 1934 г., которая затрагивала вопросы социальных изменений, возникших в начале XX века, а также анализ обстоятельств, которые привели к появлению феномена фашизма.

³ Выражение, которое использовал Мисима Юкио в своём эссе, звучит не совсем корректно, поскольку Гитлер в автобиографической книге «Моя борьба» обвинял коммунистов в том, что народ, состоящий из неграмотных людей, был вовлечён в коммунистическую революцию совсем не чтением теоретических сочинений Карла Маркса, а лишь идеями о прекрасном будущем, которые проповедовали им агитаторы коммунистической партии.

⁴ Здесь Мисима Юкио кратко изложил основные выводы и рассуждения, касающиеся популяризации фашистских идей и захвата политической власти фашистской партией на примере Германии, которые высказал Палм Датт в работе «Фашизм и социалистическая революция».

политики понятийного аппарата)⁵. Характерной моделью первой является парламентская демократия, имеющая давнюю традицию, и в настоящее время мыслящаяся как нечто, возникшее естественным образом. Задолго до Французской революции, в глубокой древности существовала так называемая афинская демократия. Она являлась порождением эпохи, когда политика мыслилась как техника управления, и, начиная с нового времени (периода Мэйдзи для Японии), в релятивистском представлении – появление такой профессии, как «политик», было обусловлено идеей общественного разделения труда. Политика не являлась мировоззрением: после отделения государства от церкви мораль была вверена в руки последней. Также политика не стала точной наукой, ведь этим словом нельзя назвать то искусство управления, которое практиковали правители городов-государств в бурный период Ренессанса. Политика была своего рода мастерством бытия высшего уровня. Таким образом, и демократию, и социализм можно представить в качестве разновидностей технической политики.

Второй тип – это идеологическая политика, которая занялась решением проблем, с которыми к XX веку не смогла справиться политика техническая. Это коммунизм и фашизм. То, что первый полагается на науку, а второй – на миф, указывает на непреодолимый контраст между ними. Я считаю, что, когда речь заходит о науке, мы вспоминаем о трансцендентальных когнитивных возможностях, а когда говорим про миф, подразумеваем подсознательную память. Искусственные политические концепты пытаются скрыть свою «искусственность», водружая собственные истоки на парчовом знамени. И «Капитал», и «Моя борьба» – лишь произведения, написанные конкретными людьми, но даже произведения Вольтера не достигли такого уровня обожествления. Главная особенность идеологической политики заключается, в том, что идеи и воззрения отдельной личности получают реализацию в действительности, а власть становится не технической, а систематичной. Политические концепции затрагивают всё, что только возможно: религию, мораль, науку, искусство, – из-за чего такая форма политики скорее напоминает культурализм⁶. Таким образом, идеологическая политика в своей генеративной форме считается вершиной индивидуализма. Если коммунизм пытается научно обосновать политику или политизировать науку, говоря о том, что художественное творчество есть нечто уникальное, то фашизм – это попытка политизации искусства.

В этой работе нет возможности подробно затронуть тему коммунизма, поэтому мы сузим объектив и осветим только тему фашизма, а именно – рассмотрим вопрос, по какой причине так называемые фашисты в Японии не имеют ничего общего с тем фашизмом, который является феноменом XX века. Ведь все до единого правые в довоенное время были ярыми сторонниками императора. Их идеям крайне не хватало искусственно созданной системы. Другими словами, поскольку парламентская демократия – это форма технической политики, она могла бы быть установлена даже при наличии некоторых противоречий в соответствии с Конституцией Мэйдзи. Однако, поскольку фашизм является искусственной формой идеологической политики, то, честно говоря, это был самый неподходящий вариант

---

⁵ Определение форм правления, которые использовал Мисима Юкио в своём эссе (техническая политика и идеологическая политика), являются его собственной типологией.

⁶ Идея, которая была раскрыта в трудах таких исследователей, как Лео Фробениус и Лесли Уайт, относительно того, что культура имеет независимое от человека существование и то, что культура производит человека, а не человек культуру.

для императорской власти, которая имеет своё естественное происхождение. Я не думаю, что то, что называют японским фашизмом военного времени, включая нацификацию отдельных сфер жизни и контроль над выражением общественного мнения, является чем-то бóльшим, нежели теоретической путаницей, с которой столкнулась техническая форма политики. Военная диктатура – явление, известное истории, в ней нет ничего нового. Регулируемая экономика и контроль над общественным мнением – это всего лишь копирование идеологической политикой политики технической. Совершенные ими преступления и злодеяния – это скорее выражение человеческого зла, пороков власти, нежели зло фашизма. Человеческое зло огромно, и значительно превосходит фашизм. (Когда я пишу эти строки, перед моими глазами предстают лица насмехающихся надо мной коммунистов.)

Кроме того, так называемые японские фашисты не имели союзников среди интеллигенции. Японская франтоватая интеллигенция не пошла за ними, распевая китайские стихи в *хаори* и *хакама* с фамильным гербом, нацепив на голову повязку с солнечным кругом. Западный фашизм, в свою очередь, представляют в качестве мелкобуржуазной революции. Палм Датт считает заблуждением трактовку либералами фашизма как самостоятельного движения среднего класса. По его мнению, основой этой политической формы является диктатура буржуазии. Фашисты зывали ко множеству свободных рабочих и специалистов, а также завоёвывали сердца интеллигенции.

Почему? И это очень важно. Всё потому, что фашизм заискивал перед нигилизмом.

Спасение для нигилистов

Муссолини возражал против позитивизма XIX века, утверждая, что «фашизм есть религиозная идея». Согласно Джованни Джентиле, главному итальянскому теоретику фашизма, истоки итальянского фашизма следует искать в движении *рисорджименто* XIX века, опиравшемся на представление, согласно которому «воля немногих – поэтов, мыслителей, политических теоретиков – управляет историей». Он описывает особенности фашизма и фашистского государства в качестве всецело духовной конструкции. В то же время это антиинтеллектуализм, это не какая-то умозрительная система, не то, что можно представить в качестве реализации определённых тезисов. Мысль и действие пребывают в неразделимом единстве, а фашизм относится без уважения к мысли, которая не может быть реализована в действии.

В Западной Европе начала XX века стремительное распространение антиинтеллектуализма было спровоцировано нигилизмом. Заискивая перед этими настроениями, свою популярность обрели Фрейд и фашизм. Предтечей этого был Ницше.

Согласно Хельмуту Тилеке⁷ (Helmut Thielicke), абсолютизация Ничто ставит нигилиста перед лицом саморазрушения и крушения мира, вынуждая его принижать самого себя до уровня лишь исполнителя определённой функции, одной из шестерёнок механизма. Это и привело к утверждению фашизма. Однако для фашизма, безусловно, было удобнее использовать в своих целях последователей Ницше, нежели таких подобных баранам наркозависимых. Одной из тенденций так называемого активного нигилизма было стремление к фашизму.

---

⁷ Немецкий протестантский богослов (1908–1989).

Нигилист стоит перед лицом крушения мира. Мир утрачивает всяческий смысл. Здесь срабатывает психология отчаяния, и если отчаявшийся однажды сам пришёл к отсутствию смысла, для него лучшим выходом будет надежда сохранить это ощущение. Нигилист становится отъявленным лицемером. Поскольку главной посылкой является бессмысленность, нигилист обладает наивысшей свободой действовать так, будто это имеет смысл, одним словом, он становится всемогущим человеком. Это основания для действий нигилиста.

Коммунисты указывают на абсурдное ребячество фашистских мифов, но именно по этой причине фашизм смог поглотить интеллигенцию.

Также нигилист ни в коем случае не впадает в релятивизм. Поскольку абсолютизация Ничто является главной предпосылкой, независимо от конкретных идей, как раз абсолютизм является лучшей моделью Ничто.

Если принять, что «мысль, которая не может быть реализована в действии, не достойна уважения»⁸, то люди, которые не могут перестать мыслить, должны беспрерывно действовать каким угодно образом. В этом смысле фашизм был спасением для нигилистов, подобно лекарству от душевной болезни.

Возникновение фашизма неразделимо связано с духовной обстановкой в Европе второй половины XIX – начала XX века. Движущей силой фашизма, безусловно, были нигилисты. Не существует ничего более далекого от оптимизма правых в Японии, чем фашизм.

Зло идеализма, которое окружает мир

Поскольку страниц остаётся всё меньше, придётся перейти к беглому изложению. Национализм, по существу, является вторичной производной по отношению к фашизму, а его основные положения – лишь развитие идей философии солипсизма. Как пишет Бертран Рассел, «вера в расу и национализм являются естественным результатом психологии солипсизма»⁹. Японские правые восприняли эти второстепенные основания фашизма в качестве основных. Было правильным со стороны не то Джованни Джентиле, не то другого мыслителя описать существенную разницу между национализмом и тоталитаризмом, не рассматривая фашизм в категориях социального национализма. Национализм – это самое лёгкое в использовании оружие.

Так называемый дикий эмоциональный национализм в настоящее время стал психологической основой революций в Азии. В сегодняшней Азии революция вспыхивает не в среде городских рабочих, она скорее принимает форму организованных крестьянских восстаний. Тезисы коммунистов национального фронта в Азии после Второй мировой войны, воспользовавшись очарованием национализма, полностью лишили японских правых важной сферы влияния.

Если ограничиться только обозначенным вопросом, то получается, что провозглашённая сегодня фашистская угроза на самом деле является псевдофашистской, или же то, о чём мы поговорим далее, угроза «фашизма как отражения».

---

⁸ Цитата, которая была взята Мисима Юкио, является основной идеей, высказанной в философском учении Ван Янмина о необходимости действия.

⁹ Бертран Рассел высказал данную мысль в произведении «История западной философии», опубликованной в 1945 г.

Нынешняя опасность состоит не в фашизме и коммунизме как таковых, а в концепции «антикоммунизма», поскольку техническая форма политики впоследствии отказалась от релятивизма, что и привело к появлению идеологической политики.

Несмотря на то, что противостояние двух миров рассматривают в духе противоречий между государствами капиталистическими и коммунистическими, а также демократическими и коммунистическими, между политическими формами, изначально принадлежащими к разным категориям, строго говоря, не существует антагонизма. Если что-то есть, то это столкновение сил, а не конфликт понятий. Поэтому истинная опасность заключается в том, что конфликт власти облачается в одежды противостояния идей.

Каждый раз, когда я слышу слова «свободный мир», я не могу не рассмеяться. Забавно, что изначально относительная идея свободы претендует на то, чтобы быть абсолютной. Зло, которое несёт идеализм, окружает мир сегодня именно из-за бездумного подражания абсолютизму.

Великобритания остаётся верна традициям технической политики, не забывая о релятивизме и реализме. Так же, как и Советы, с тех пор как при Маленкове философия технической политики была воспринята исключительно в качестве формы. (На самом деле, если совершится «коммунизация» мира, техническая форма политики снова возродится, тогда как идеи абсолютизма распадутся, впад в релятивизм. В азиатских странах эти две формы уже шагают в ногу.) Складывается впечатление, что только США твёрдо придерживаются взгляда «мировоззрение в отражении». Даже если факт того, что демократия стремится осуществлять контроль над общественным мнением и регулировать мораль и культуру, кажется кому-то странным, в действительности в этом нет ничего особенного.

Западный фашизм стал болезненным историческим инцидентом первой половины XX века. Мне кажется невероятным, чтобы он возродился без каких-либо изменений.

Фашизм также универсален

Теперь вернёмся к разговору обо мне. Товарищи коммунисты, пожалуйста, перестаньте обзывать людей фашистами без разбора! Обозвать человека фашистом – всё равно что сделать его таковым. Члены коммунистической партии на любого своего врага готовы наклеить ярлык фашиста. Люди же, которые не способны отличить одного от другого, тут же начинают представлять себе картины легендарных концентрационных лагерей. Глупо становиться как коммунистом, так и фашистом, из-за страха. Ваши настойчивые выкрикивания могут стать причиной возрождения не псевдо-, а самого настоящего фашизма.

Насилие и жестокость – явления, универсальные для всего человечества. Они буквально живут среди людей. Стоит лишь взглянуть на прилавки сегодняшних магазинов, заполненные журналами с фотографиями связанных верёвками истязаемых женщин, станет понятно, сколько садистов среди обычных людей, с безразличным лицом пьющих кофе или играющих в *патинко*. Точно так же и фашизм универсален. Не будет преувеличением сказать, что, особенно в XX веке, ростки фашизма непременно таятся там, где существует отчаяние.

Итак, если я теперь внезапно подниму вопрос «смысла существования художника», люди, наверное, скажут: «Что, опять?». Если заговорю о том, что же такое красота, то меня

поднимут на смех, подобно тому, как поступил Усуи Ёсими¹⁰, сказавший: «Да, Мисима в 30 лет с такой рожей точно нужно поговорить о красоте». Но поскольку нигилисты не склоняются к политике абсолютизма, позвольте мне напоследок высказать свои убеждения: красота всегда существует как символ релятивистской веры. Красота обращает взор нигилистов, абсолютизирующих ничто, в сторону относительности явлений и заставляет заглянуть в её бездну. В этом и заключается основная задача искусства сегодня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Датт Р.* Фашизм и социалистическая революция. М., 1935.
- Книга самурая: *Юдзан Дайдодзи*. Будосёсинсю; *Ямамото Цунэтомо*. Хагакурэ; *Юкио Мисима*. Хагакурэ Нюмон / пер. на русский: Котенко Р.В., Мищенко А.А. СПб.: Евразия, 2000.
- Мещеряков А.Н.* Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.
- Мисима Юкио*. В защиту культуры // Голоса духов героев / вступ. ст., сост., пер. с яп. А.Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002.
- Мисима Юкио*. Голоса духов героев / вступ. ст., сост., пер., с яп. А. Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002.
- Мисима Юкио*. Син фассидзуму рон [«Рассуждение о новом фашизме»] // Мисима Юкио. Сёсэцука-но кюка. Токио: Синтёся, 2011. С. 207–220.
- Мисима Юкио*. Учение Ван Янмина как революционная философия / Голоса духов героев / вступ. ст., сост., пер. с яп. А. Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002.
- Натан Дж.* Мисима: Биография / пер. с англ. М. Абушика. СПб.: Азбука-классика, 2006.
- Чанцев А. В.* Бунт красоты. Эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова. М.: Аграф, 2009.
- Abel Jonathan*. Redacted: The Archives of Censorship in Transwar Japan, University of California Press, 2012.
- Dower John*. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. Norton Camp., 1999.
- Flanagan Damian*. Yukio Mishima. London: Reaction Books, 2014.
- Frank Richard*. MacArthur. NY.: Palgrave MacMillan, 2007.
- Gordon Andrew*. Postwar Japan as History: University of California Press, 1993.
- Inose Naoki*. Persona: a Biography of Yukio Mishima / Naoki Inose; with Hiroaki Sato, 2012.
- Jansen Marius*. The Making of Modern Japan. London: Harvard University Press, 2000.
- Mishima Yukio*. Sun and Steel / transl. by John Bester. Kodansha USA, 2003.
- Stokes Henry Scott*. The Life and Death of Yukio Mishima. Cooper Square Press, 2000.
- Tanaka Yuki*. Japan's Comfort Women. Sexual Slavery and Prostitution during World War II and American Occupation. London, NY.: Routledge, 2002.
- Wilson George*. A New Look at the Problem of «Japanese Fascism». Cambridge University Press. 1968.

¹⁰ Японский критик, романист и член Национальной академии наук (1905–1987). Имел напряжённые отношения с Мисима Юкио, часто негативно высказывался относительно его видения сочетания красоты и смерти.

Yamazaki J.W. Japanese Apologies for World War II. London, NY.: Routledge, 2006.

Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis. London: Heinemann, 1961.

REFERENCES

Abel, Jonathan (2012). Redacted: The Archives of Censorship in Transwar Japan, University of California Press.

Chantsev, A.V. (2009) Bunt krasoty. Estetika Yukio Misimy i Eduarda Limonova [Beauty revolt. Aesthetics of Yukio Mishima and Eduard Limonov], Moscow: Agraf. (In Russian).

Datt, R. (1935). Fashizm i sotsialisticheskaya revolyutsiya [Fascism and the socialist revolution], Moscow. (In Russian).

Dower, John (1999). Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II, Norton Camp.

Flanagan, Damian (2014). Yukio Mishima, London: Reaction Books.

Frank, Richard (2007). MacArthur, New York: Palgrave MacMillan.

Gordon, Andrew (1993). Postwar Japan as History, University of California Press.

Inose, Naoki (2012). Persona: a Biography of Yukio Mishima, Naoki Inose; with Hiroaki Sato.

Jansen, Marius (2000). The Making of Modern Japan, London: Harvard University Press.

Kotenko, R.V. and Mishchenko, A.A. (transl.) (2000). Yuzan Daydodzi. Budososinsyu. Yamamoto Tsunetomo. Khagakure. Yukio Misima. Khagakure Nyumon [Yuzan Daidoji. Budoshoshinshu. Yamamoto Tsunetomo. Hagakure. Yukio Mishima. Hagakure Nyumon], Saint Petersburg: Yevraziya. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2009). Byt' yapontsem: istoriya, poetika i stsenografiya yaponskogo totalitarizma [Being Japanese: History, Poetics, and Scenography of Japanese Totalitarianism], Moscow: Natalis. (In Russian).

Mishima, Yukio (2002). Golosa dukhov geroyev [Voices of the Spirits of Heroes], Moscow: Letniy sad. (In Russian).

Mishima, Yukio (2002). Ucheniye Van Yanmina kak revolyutsionnaya filosofiya [The doctrine of Wang Yangming as revolutionary philosophy], in *Golosa dukhov geroyev* [Voices of the spirits of heroes], Moscow: Letniy sad. (In Russian).

Mishima, Yukio (2002). V zashchitu kul'tury [In Defense of Culture], in *Golosa dukhov geroyev* [Voices of the Spirits of Heroes], Moscow: Letniy sad. (In Russian).

Mishima, Yukio (2003). Sun and Steel, transl. by John Bester, Kodansha USA.

Mishima, Yukio (2011). Shin fasshizumu ron [The Reasoning on the New Fascism], in *Shosetsuka-no kyuka*, Tokyo: Shinchosha: 207-220. (In Japanese).

Nathan, J. (2006). Misima: Biografiya [Mishima: Biography], Saint Petersburg: ABC Classic. (In Russian).

Stokes, Henry Scott (2000). The Life and Death of Yukio Mishima, Cooper Square Press.

Tanaka, Yuki (2002). Japan's Comfort Women. Sexual Slavery and Prostitution during World War II and American Occupation, London, New York: Routledge.

Wilson, George (1968). A New Look at the Problem of «Japanese Fascism», Cambridge University Press.

Yamazaki, J.W. (2006). Japanese Apologies for World War II, London, New York: Routledge.

Yoshida, Shigeru (1961). The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis, London: Heinemann.

Поступила в редакцию 05.08.2019

Received 5 August 2019

Для цитирования: Маслова А.В. Взгляды Мисима Юкио на послевоенное устройство Японии в ранней эссеистике на примере эссе «Рассуждение о новом фашизме» // Японские исследования. 2019. № 3. С. 112–127. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023

For citation: Maslova A.V. (2019). Vzglyady Misima Yukio na poslevoyennoye ustroystvo Yaponii v ranney esseistike na primere esse “Rassuzhdeniye o novom fashizme” [Mishima Yukio's perception of the post-war state structure of Japan on the example of the essay “The Reasoning on the New Fascism”], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2019, 3: 112–127. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10023